

"Эй, эй, эй. Это не Сэди?"

"Сэди? Вау. Что он здесь делает?"

Стажёры перешептывались между собой, глядя на Ли Джун Ёля, который сидел на диване со скрещенными ногами. Свет, падающий из окна, подчёркивал его и без того красивое лицо, и это сводило с ума всех, особенно девушек-стажёрок.

"Молодые. Они милые".

Ли Джун Ёль сидел в вестибюле, раздавая автографы и иногда советы стажёрам. Он проводил время, наблюдая за прохожими и играя в игры на своём мобильном телефоне. Однако человек, который сказал, что связался с Кан Юном, не появился.

"Его ещё нет?"

"... Он говорит, чтобы вы возвращались".

Это был уже десятый раз. Теперь сотрудники в вестибюле даже не связывались с Кан Юном, так как им это надоело. Поначалу они звонили каждый раз из-за его внешности и известности, но теперь, когда стемнело, их взгляды превратились в те, которые бросают на насекомых.

"Ай. Интересный парень".

Ли Джун Ёлю стало любопытно узнать о Кан Юне. Как он может так тщательно его игнорировать. Конечно, он злился. Однако его любопытство было сильнее. Ему было любопытно, что Кан Юн сказал, что он обязательно провалится, несмотря на то, что до сих пор жил хорошо.

"Ах, я обречён на сегодняшнее оценивание. Сам Сун, как у тебя дела?"

"Я тоже провалился. И так освежающе. А у тебя, Джун?"

"... Я Эйли, Джун — моя фамилия".

Уже была ночь, и луна была уже высоко, когда вышла последняя партия стажёров. Сотрудники вестибюля уже давно ушли с работы.

"Что это? Этот парень всё ещё на работе?"

Ли Джун Ёль был ошеломлён тем фактом, что Кан Юн не уходил, даже когда стажёры уже ушли. Но он не хотел возвращаться вот так. Он отказался уступать, теперь, когда он приехал сюда, и не хотел уезжать, пока не увидит это лицо.

"... Сэди?"

Только после того, как стажёры ушли, появился тот, кого он хотел увидеть. Это был Кан Юн. Этот парень, который даже не показывался, даже работал сверхурочно и уходил последним.

"Ты...?!"

"Ты всё ещё не ушёл? Мне не о чем с тобой говорить".

Он был удивлён, что Кан Юн ждал до сих пор, но тот не особенно задумывался об этом. Ему и в

голову не приходило, что он выступит на одной сцене с ним, сменив того парня. Такое бывает только в книгах и фильмах. В этом отношении Кан Юн был реалистом.

"Я не могу понять этого, как бы я ни думал".

"Это не имеет ко мне никакого отношения. И почему ты такой невежливый, ты же младше меня".

Кан Юн тоже не сдерживался. Были люди, которые подлизывались к нему, когда он оставался вежливым. Сэди был одним из них.

Ли Джун Ёль находился на последней стадии звёздного комплекса, когда он ставил всех ниже себя. Кан Юн не хотел работать с таким человеком. Ли Джун Ёль, который некоторое время смотрел на Кан Юна, рассмеялся, как будто ничего не произошло.

"Ха-ха-ха. Ты и вправду интересный. Да, хён. Круто. Ты говоришь всё, что хочешь".

"Просто делай своё дело и целуйся с девчонками. Я не стану связываться с хулиганами".

"Ке-ке. Хулиганы, да".

Его серьёзно оскорбили, но Ли Джун Ёль только рассмеялся. Кан Юн не видел смысла конфликтовать с ним.

"Он сумасшедший. Станет только хуже, если я ещё больше буду конфликтовать с ним".

Кан Юн хотел уйти, потому что боялся, что ввяжется в что-то странное. Ничего хорошего не будет, если он ещё больше будет разговаривать с тщательно эгоцентричным Сэди.

Однако Ли Джун Ёль сказал нечто неожиданное.

"Хён. Давай сделаем концерт вместе".

И он сказал что-то нелепое Кан Юну.

"Что?"

"Пожалуйста, организуй моё возвращение на сцену".

Кан Юн был ошеломлён. Он не поверил своим ушам.

"Что ты только что сказал? Возвращение?"

"Да. Возвращение".

Кан Юн был ошеломлён. Когда он посмотрел на лицо Сэди, то увидел насмешку, которую он ни на секунду не убирал с лица. Кан Юн подавил огонь в своём сердце и стал серьёзным.

"Отказываюсь. Нет, уважительно отказываюсь. Если у тебя сейчас и есть чем крыть, то в любом случае тебя ждёт провал, так что не вижу необходимости тратить на тебя свою энергию".

"Провал? У меня?"

"Именно. У тебя так изменился голос, как ты вообще можешь не провалиться?"

Хватать!

Ли Чжунёль резко схватил Кан Юна за воротник. На самом деле, говоря всё это, он всего лишь шутил. Но он не ожидал, что Кан Юн будет так прямо тыкать в его больные места. Он всегда улыбался, как Сэди, но вмиг его лицо стало лютым.

"Ты, ты, ты смеешь...!!"

"Думаешь, люди не заметят? Для звезды всё кончено, когда рушатся иллюзии. Преображение? Преображение — это когда что-то изменяется к лучшему, а ты думаешь, что изменение твоего голоса — это преобразование? Это не преобразование, а обезображивание. Идём дальше. Почему бы мне не подобрать слово получше? Мутация. Это не прогресс, а регресс".

"Ааа..."

Кан Юн выпалил все эти жестокие слова, даже не моргнув глазом. Однако Ли Чжунёль ничего не смог возразить. Руки, сжимавшие воротник Кан Юна, задрожали. Беззаботный Сэди, который до этого свободно болтал, давно исчез.

"Но даже после этого ты не прикладываешь никаких усилий, только и делаешь, что тусуешься с девушками и куришь. И ты хочешь, чтобы я устроил тебе концерт? Если бы тут был Бог музыки, не знаю. Продать альбомы после камбэка через 3 недели? Невозможно".

"..."

В конце концов, Ли Чжунёль выпустил воротник Кан Юна, руки его дрожали. Впрочем, сил ему уже не доставало. Ли Чжунёль, который притворялся беззаботным, давно исчез.

"Но если у меня есть какой-то совет для тебя, то это бросить курить. Для певца курение — самое ужасное".

Кан Юн ушёл от Ли Чжунёля. Тот уже, казалось, потерял все силы, ведь он рухнул на пол. Это было его полное поражение.

‘Он больше не придёт, да?’

Надменность низвергает человека в преисподнюю. Хоть он и не будет работать с Сэди, ему хотелось, чтобы Сэди покончил со своим высокомерием. Он всей душой желал, чтобы хорошие певцы были успешны. Разумеется, выбор за ним.

‘Ли Кан Юн. Ли Кан Юн...!!’

Ли Чжунёль проводил Кан Юна взглядом после того, как тот ушёл, скрежеща зубами. С дрожащим телом и налитыми кровью глазами...

"Хан Ю, посмотрим. У тебя нет никаких недостатков".

"Спасибо".

Личное собеседование, проходившее раз в неделю. Кан Юн пил газировку из банки, разговаривая с Со Хан Ю, которая пила кофе. Разумеется, напитки были без сахара.

Со Хан Ю нервничала, глядя на диаграммы, оценивавшие её.

"Я думаю, ты видишь плоды своей упорной работы. Пение, танцы — тебе ничего не нужно. Оценки тренеров тоже хорошие".

"Спасибо".

"Но вот на эту часть сразу обращаешь внимание. Она не очень привлекает взгляд, но делает то, что должна. Что это означает?"

"..."

Когда Кан Юн спросил про звёздное качество, Со Хан Ю промолчала.

"Хан Ю. Я хочу, чтобы ты была немного более активной".

"Активной?"

"Объясню проще. Давай пока отложим вокальные и танцевальные тренировки на второй план и займёмся чем-то другим. Я составлю расписание, в котором упор будет сделан на тренировки за пределами агентства".

Услышав слово "за пределами", она напряглась. Ей не особенно нравилось покидать здание. Однако Кан Юна это не волновало, и он продолжал писать. В конце концов, появилось специальное расписание за пределами агентства, составленное специально для Со Хан Ю.

Составив расписание, Кан Юн спросил:

"Как у тебя с онни?"

"Хорошо. Всё хорошо".

"Ты же живёшь в одной комнате с Кристи, да? Думаешь, вы подружитесь?"

"...Если не считать того, что она храпит по ночам, то да".

Кан Юн едва сдержал смех. Быть слишком честной тоже было проблемой. Кто бы мог подумать, что с таким милым личиком она храпит... Кан Юн решил, что ему стоит затаить это где-то глубоко в сердце.

Кан Юн отпустил Со Хан Ю и утвердил несколько финансовых отчётов. Их нужно было отнести в кабинет президента.

‘Дела идут хорошо. Но в этом месяце остаток бюджета больше, чем я думал. Кажется, смогу потратить его на что-нибудь ещё’.

Когда он закончил писать отчет, уже стемнело. Канюн потянулся и поспешил домой.

Но тут...

— Хен!!

Когда он спустился в вестибюль, он услышал голос, который назвал его довольно близко.

— Седи?

— Я приехал, чтобы повидать тебя. Привет?

Это был Ли Чжунёль, который даже схватил его за воротник. Однако его прежний облик исчез. Казалось, что у него биполярное расстройство, потому что его выражение было полно улыбок.

— Опять что-то?

— Эй, нам больше не нужно быть вежливыми друг с другом, верно?

...

У Канюня заболела голова. Подумать только, что он вернулся после всех этих оскорблений... Пока Канюн хватал себя за голову, обдумывая, как избавиться от него, Ли Чжунёль заговорил.

— Вчера я много думал об этом. Да, твои слова совершенно верны. Голос у меня изменился, и я не прикладывал усилий. Сигареты? Я курил как сумасшедший, чтобы забыть обо всём этом. Люди говорят, что нужно бороться со злом злом, поэтому я даже поверил в такой абсурд, как то, что сигареты могут сделать меня лучше. Но вот результат.

...

Канюн сузил глаза. Он не понимал, что сейчас говорит Ли Чжунёль. Он признаётся в своих грехах или что-то в этом роде? Однако он спокойно слушал.

— В конце концов я начал делать то, что хотел. Моё горло становилось всё хуже, но у меня было много денег. Мне было весело развлекаться. Женщины? Я развлекался до такой степени, что мне это надоело. Заводить знакомства с женщинами было так легко, когда у меня были деньги. Потискать и покатать — я делал всё, что хотел в то время. Ну а сейчас? Чем больше я веселился, тем больше думал о странных вещах. Я певец, певец. Я должен петь, но что это такое? — и тому подобное. Поэтому я даже всё записал.

— Что ты хочешь сказать?

— Я действительно записывал, но все сцены были мне не по душе. Нет, правильнее будет сказать, что я боялся выходить на сцену. Мой изменившийся голос, разве люди не стали бы говорить об этом? Всё ли будет в порядке? Моё сердце бешено колотилось. Я был напуган. Всё моё тело дрожало от страха.

...

— Однако у мужчины должно быть лицо. Как мне это сказать? Поэтому я отказывал всем. Я не собираюсь этого делать. И я встретил тебя.

— Тогда не делай этого. Я не католический священник, который выслушивает исповеди.

Канюну казалось, что он разговаривает с пьяным человеком. Он задавал вопросы и сам на них отвечал. Он возбуждался сам по себе — таким был Ли Чжунёль. Канюн почувствовал, что больше не хочет его слушать, и повернулся.

Но Ли Чжунёль отчаянно цеплялся за него.

— Хён. Я был неправ. Пожалуйста, организуй мне выступление.

...

Канюн усомнился в своих ушах. Он заморгал, размышляя над тем, что он только что услышал.

— Никто раньше мне так не говорил. На самом деле я тоже думал, что, вероятно, стал немного хуже, чем раньше, но я никогда не думал, что потерплю неудачу. Я просто смутно думал, что всё это неправильно. Однако ты сказал мне всю правду. Сначала я разозлился, но когда подумал об этом, то понял, что твои слова были правильными.

...

— Мне страшно стоять перед своими поклонниками с таким голосом. Однако если это ты, если это ты, кто ясно рассказал мне о самом себе и заглянул в мою душу, и помог, я думаю, что это возможно. Помоги. Я умоляю тебя.

Ли Чжунёль упал на колени перед Канюнем, который стоял к нему спиной. Он был серьёзен. Канюн был удивлён тем, что Ли Чжунёль так серьёзен, но он не выдал этого на своём лице. Канюн спокойно заговорил.

— Я уже сказал вчера. Я хочу инвестировать своё время и силы во что-то, что не имеет перспектив. И эта индустрия не так проста, как ты думаешь, ты не преуспеешь только потому, что передумал, ты же знаешь это, верно?

— Хён...

— Возможно, Бог музыки смог бы это сделать, но мне будет сложно. Если ты действительно изменился, то сможешь добиться успеха, даже работая с другими людьми.

Канюн похлопал Ли Чжунёля по плечу и пошёл домой. А Ли Чжунёль остался стоять на коленях. Ему было жаль, но Канюн изо всех сил пытался игнорировать это.

.

.

.

— О боже...

— Я, разве это не Седи?

— Ух ты, что это с ним?

На следующий день.

Как только сотрудники MG Entertainment пришли на работу, они увидели удивительную картину. Седи стоял на коленях в холле. Его не прогнали, так как он не мешал входу, но все шептались друг с другом.

Председатель Вон ДжинМун и президент Ли ХенДжи тоже посчитали это абсурдным, выйдя из черного седана.

— В наши дни постоянно происходят интересные вещи, мисс ХенДжи.

— Действительно.

Они приказали своим секретарям разобраться и отправились в свои кабинеты. Дальше было еще более хаотично. Все стажеры и сотрудники говорили о Ли ДжунЁле. MG Entertainment заполонила предположения и слухи о том, что он сделал предложение или что он тайный внебрачный сын председателя.

— Ли ДжунЁль...

— Хён, ты пришел?

И наконец, появился виновник всей этой ситуации.

КангЮн вздохнул, когда увидел Ли ДжунЁля, который поздоровался с ним в той же одежде, что и вчера.

— Седи...

Утренний час пик. В холле было много людей. Ли ДжунЁль стоял на коленях перед ним в центре холла. Взгляды людей были прикованы к нему, и они начали перешептываться. КангЮн был самой популярной звездой компании. Ли ДжунЁль когда-то был успешным певцом. Один стоял на коленях, а второй принимал почести, так что это, конечно, вызвало хаос.

— Ты действительно ночевал здесь?

— Да. Я ждал тебя.

— Ха...

КангЮн посчитал это абсурдом. Из-за особенностей работы в развлекательной компании часто приходилось работать по ночам, поэтому она действительно работала 24 часа в сутки. Разумеется, безопасность была безупречной. КангЮн схватил охранника, который дежурил всю ночь, и спросил его. Когда он услышал, что это действительно правда, он мог только остолбенеть.

— Но зачем?

— Я же говорил, не так ли? Помоги мне.

— Думаю, ты слышал, что я сказал вчера. Не делай таких глупостей и возвращайся.

Несмотря на удивление от того, что Седи остался на всю ночь, КангЮн сохранил хладнокровие. Когда КангЮн отсканировал удостоверение личности, чтобы войти в лифт, и вошел внутрь, Седи громко крикнул.

— Я буду ждать тебя!! (прим.: ржака)

КангЮн, вздыхая, посчитал это абсурдом. Такой беспечности он еще никогда не видел. Но он немного его пожалел.

Была небольшая нелепая проблема, но день КангЮна прошел как обычно. Он одобрял и получал одобрения, проводил собрания, и ничего особенного не происходило.

Проблема возникла ночью.

— Ха...

Он закончил рано и собирался пойти домой, когда увидел, что Ли ДжунЁль все еще стоит на коленях в холле. Люди шептались друг с другом, проходя мимо, а персонал в холле, похоже, что-то ему дал поесть, так как перед ним поставили кимбап и хлеб.

— Ха-ха...

Когда он увидел, как Ли ДжунЁль машет ему, он только сухо рассмеялся. На самом деле он думал о Ли ДжунЁле с прошлой ночи, но не мог принять решение, учитывая риски и выгоды. Он подумал, что сегодня он не появится, но тот все же притащился.

— Ты здесь?

— Ты потрясный, признаю...

— Не говорил ли я? Что без тебя ничего не получится.

— Мне стоило отказаться. Даже несмотря на то, что ты так себя ведешь, ничего не выйдет.

— Что же мне сделать, чтобы ты это сделал? Я действительно безнадежен? Потому что у меня изменился голос? Люди действительно не примут меня таким? Мне просто конец?

— ...

— И мои коллеги, и люди, с которыми я работал, все говорили: Ты Седи, твое пение подойдет — вот так. Однако ты говоришь совсем другое. Вот я и волнуюсь. И я думаю, что если ты скажешь, что я смогу, то я действительно смогу. Я думаю, что если ты скажешь, что я смогу, я точно смогу.

— ... Я должен сказать тебе, почему у тебя действительно ничего не выйдет.

КангЮн плюхнулся напротив Ли ДжунЁля. Он чувствовал на себе любопытные взгляды окружающих, но его это не волновало.

Голос — это причина для беспокойства. Тем не менее, вы не пытались преодолеть эту причину или использовать ее. Вы сбежали от нее и упали в пропасть. Курение, алкоголь, женщины. Это нормально, если потреблять их в меру, но вы не можете себя контролировать. Я не могу работать с такими...

"Я брошу все".

"Что?"

"Я брошу все. Курение, алкоголь, женщин и все остальное. Я буду делать все, как вы скажете".

В глазах Ли Джунёля было видно решимость. И Канъюн тоже это почувствовал. Однако он был обеспокоен. Говорить было легко.

"В конце концов, с Седи тоже не получилось. Есть ли у меня причина сделать это, несмотря ни на что?"

Не было смысла рисковать. Все равно работа идет к нему. Кроме того, он уже доложил президенту Ли Хёнчжи, что не сделает этого. Однако он изменил Чжуах к лучшему, да и будущее стажеров он тоже менял. А как насчет Седи? Разве это не так? Разве не стоит попробовать?"

Благодаря Канъюну альбом, который должен был занять около 10-го места в чарте Oricon, возглавил его и принес большие деньги из Японии. Даже если не до такой степени, разве он не мог изменить будущее?

Канъюн долго размышлял, а затем заговорил, глаза его загорелись.

"Сначала. Дайте мне услышать ваш голос, прежде чем я приму решение".

"Правда? Тогда..."

"Сначала голос. Поехали".

Ли Джунёль ликовал, как маленький ребенок. Канъюн имел в виду, что подумает об этом, даже если на то и будет мало оснований. Канъюн сказал ему встать, и Ли Джунёль попытался подняться. Но поскольку он так долго стоял на коленях, то не мог легко выпрямить ноги. В конце концов, Канъюну пришлось помочь ему встать.

"Куда делся ваш менеджер?"

"В отпуске. Я не могу показывать ему такую свою неприглядную сторону, не так ли?"

"... Ну и дела".

И пока они шли, проходя мимо коллег, покидавших работу и шептавшихся между собой, Канъюн и Ли Джунъель направлялись в подземную студию.

"Вот это да, я в студии известного MG".

"Это место так знаменито?"

"Конечно. Это одна из трех лучших студий. Она славится своим высоким качеством звука".

"Здесь хорошие условия. Но с ногами все в порядке?"

"Все в порядке. Я справлюсь сидя".

Ли Джунъель сел, хромая. Канъюн включил аппарат и сел напротив микшера, настраивая параметры. Он настроил их под его голос. Музыки Ли Джунъеля там не было, поэтому ему пришлось довольствоваться записью известной песни.

Быстрее, еще немного — еще немного —

Плотный и приятный голос разнесся по студии. Это был тот низкий голос, который так нравился поклонникам. Однако проблема возникла после этого.

Но — любовь моя — все еще —

Чем выше становился тон, тем заметнее происходило странное изменение. Седи был тем, кто взрывался высоким голосом после того, как вначале завладевал сердцами низким, однако в высоких тонах явно не хватало силы. Конечно, это было не такое уж и большое изменение. Нужно было быть внимательным, чтобы это заметить.

"Голос слабеет".

Седи в глазах Канъюна сначала ярко светился белым светом. Однако по мере того, как песня продвигалась, белый свет становился все слабее и в конце его плотность стала намного ниже.

Когда песня закончилась, Ли Джунъель осторожно заговорил в микрофон в студии.

- Ну как?

Канъюн немного подумал.

"Не так хорошо, как раньше".

- Как и ожидалось, так и есть.

"Вы много работали".

Ли Джунъель, который услышал не слишком хорошую оценку, нервно вышел из студии. Канъюн сел напротив него.

"Похоже, я недостаточно хорош, как раньше. Это правда так сложно? Ох, как мне хочется закурить".

Ли Джуньель, как обычно, достал сигару из кармана, но в итоге положил ее обратно. Привычка — страшная вещь. Канъюн щелкнул языком, словно это было абсурдом.

"Ты же сказал, что бросишь".

"Простите, простите меня на этот раз. Правда. . Плохая, плохая рука, плохая рука!"

"... Ладно. Свернемся".

"То есть мы действительно выступим вместе?"

Канюн всеми силами отталкивал Ли Чжунёля, но в мыслях последнего закралась мысль, что без Канюня всё пойдёт прахом. Он подумал, что если бы это был он, то он смог бы сделать для него что-то кроме выставления его на нужную дорогу.

"Большой риск всегда приносит большую выгоду."

Канюн задумался. Если камбэк Sedy пройдёт удачно, то после него он сможет получить более серьёзную работу. Несмотря на то, что альбомы были немного натянуты, Канюн решил, что выступить на концерте он ещё сможет.

"Я ещё подумаю над этим в ближайшие дни. Сначала сделай то, что ты сказал в прошлый раз."

"Хорошо."

Это касалось курения, женщин и других подобных вещей. Ли Чжунёль кивнул как маленький ребёнок. Канюн снова подчеркнул, словно всё ещё беспокоился.

"Сказать легко. Особенно с курением. Бросай однозначно. Если хотя бы раз покуришь во время подготовки к выступлению, проект отменяется."

"Ладно, ладно."

"Я запишу это в контракт."

"Что?! Но..."

"Разве я не сказал, что буду думать об этом в ближайшие несколько дней? Брось курить к следующей неделе. Вот тогда мы и поговорим. А теперь иди. Я боюсь, что люди будут распускать слухи обо мне, если ты так и будешь стоять на коленях в холле."

"Спасибо, спасибо."

Наконец Ли Чжунёль широко улыбнулся и обнял Канюня. Но поскольку это был мужчина, Канюню это не понравилось.

"Отпусти!!"

"Ха-ха-ха!! Спасибо, спасибо."

"Уходи."

Канюн был из тех, кому больше нравились мягкие женские объятия, а не крепкие мужские.

До второго класса у Хиюн школа не вызывала никакого восторга.

Считая, что ей необходимо окончить хотя бы старшую школу, Хиюн ходила в школу из последних сил, хоть и была подключена к диализу, но из-за своего слабого организма ей было сложно общаться с друзьями. К тому же из-за бедности другие её сверстники избегали её, поскольку находились в том возрасте, когда любят красоваться. Хиюн всегда была одинока.

Но с третьего класса её школьная жизнь изменилась. Её одежда стала более яркой, и после того, как по школе пошли слухи о её дружбе с Чжуа, отношение к ней изменилось кардинально.

“Что? Так всё просто?”

“Ага. Если посмотреть сюда, предельное значение...”

Теперь у Хиюн появилась подруга, которой она могла задавать вопросы, если что-то не понимала. Благодаря этому её школьная жизнь стала намного более приятной. Прошрое, о котором она не хотела рассказывать Канюню, чтобы не беспокоить его, осталось позади.

“Спасибо.”

“Не за что, Хиюн, я...”

“Что такое? Тебе что-то нужно?”

Староста класса, которая помогла ей с математикой, начала заикаться. Похоже, ей было трудно что-то сказать: она всё время поправляла очки, прежде чем с трудом произнести:

“М... можешь... можешь мне дать... автограф Чжуа?”

“Автограф Чжуа? Разве ты не получала его в прошлый раз?”

“Там была слишком большая очередь...”

Даже богатые люди становились поклонниками, если хоть раз видели певца. Усердная староста класса, которая говорила, что не интересуется певцами, тоже была из таких. Хиюн ответила согласием и взяла автограф. Староста поблагодарила её, а после даже переписала для неё свои конспекты.

Когда половина второй половины дня в школе подошла к концу, Хиюн ушла пораньше. Ей нужно было ехать на диализ. Она, как обычно, вышла из школы с сумкой, но у ворот её ждал знакомый человек.

“Оппа!!”

“Привет.”

Канюн облокотился на школьные ворота и поприветствовал её.

“Оппа, ты разве не должен сейчас работать?”

“Сегодня отпросился. Тебе нужно в больницу.”

“Я уже говорила, что могу сходить сама.”

Так как её брат был постоянно занят, ей не хотелось отнимать у него время. Но в то же время она была благодарна, что такой занятой человек проводил с ней время. Хиюн прекрасно знала, что для Канюня она была на первом месте.

Хиюн приехала в больницу и начала процедуру диализа, а Канюн сел рядом и они долго беседовали. В основном они говорили о стажёрах. Хиюн нравились истории о её сверстниках, которые рассказывал Канюн.

"Фу. Значит, эта девчонка МинА все время называет тебя ачжусси?"

"Я о том и говорю. Я все время запрещаю ей так меня называть, но не знаю почему, но она так и продолжает".

"Возможно, это потому, что ты ей нравишься".

"Не может быть. НееYoon, ты когда-нибудь называла мужчину, который тебе нравится, 'ачжусси'?"

"Ммм... Нет, но я, наверное, права. Та девчонка МинА, возможно, называет тебя так именно потому, что ты ей нравишься, оппа".

"Да ну, не может быть. Тогда разве мне следует называть девушек, которые мне нравятся, 'ачжумма'? НееYoon-ачжумма?" (Т/П: ачжумма это женский аналог ачжусси)

"Скажешь еще раз - и получишь!"

В больнице разговор шел оживленно, но длился недолго. Из-за усталости от диализа НееYoon уснула, а KangYoon направился к врачу, чтобы узнать о ее состоянии.

Врач сказал, что никаких серьезных проблем нет. KangYoon, услышав, что ничего нового, направился к входу в больницу. Ему очень хотелось покурить.

"Уххх..."

KangYoon с удовольствием выдыхал дым, когда вдалеке он заметил знакомую тень. Это была школьная форма, неброская, но на девочке-подростке она бросалась в глаза из-за ее высокого роста.

'Seo HanYu?'

Подумать только, Seo HanYu была в больнице, а должна быть на тренировке... KangYoon был в замешательстве. Однако следить за ней было бы смешно. Он решил спросить ее об этом при следующем личном собеседовании.

Когда он закончил курить и дождался, когда пройдет запах дыма, KangYoon направился в палату.

'Она все еще спит'.

НееYoon, все еще подключенная к аппарату для диализа, спала беззаботно. KangYoon осторожно провел рукой по ее волосам.

"НееYoon. На этот раз я точно заставлю тебя жить долго. Очень долго. Я дам тебе выйти замуж, родить детей и прожить счастливую жизнь. Точно, точно. Тебе не о чем беспокоиться, просто продолжай жить. Хорошо?"

Самое заветное желание KangYoon. Он хотел, чтобы его сестра жила здоровой жизнью, как обычные люди, вышла замуж и была счастлива. Его мотивацией для того, чтобы держаться, несмотря на то, что в прошлой жизни он не смог сделать ни одного из певцов, с которыми работал, успешными, была НееYoon.

Глядя на спокойное лицо НееYoon, которое нежно освещало солнце, KangYoon мирно улыбнулся.

Примечание переводчика

Обычная глава 1/3

Так... много... перевести... (Сейчас я перевожу 8 обычных глав в неделю... 3 coder, 3 this, 2 EER), а вот EER так много пожертвований... 10 глав, и примерно половина из них - пожертвования... Я не смогу придерживаться такого графика, когда начнётся учёба...

Спасибо за чтение!

<http://tl.rulate.ru/book/2001/4001919>